

Роджер Смит

Свобода — это лишь надпись на футболке. Вместе с ней в вашей жизни не появится того самого счастья, о котором славают легенды. Мысли не исчезнут в бесконечной тьме. Все останется таким же, просто к спине прицепятся невидимые крылья.

Я начал об этом думать, когда увидел огромный баннер с надписью «Жить, дышать, говорить». Фактически мы все это делаем, но некоторые делают иначе. Одни каждый день пытаются дышать кислородом, а не сигаретным дымом. Другие практикуются в очень тяжелой сфере — в разговоре. Есть те, кто так и не смог научиться этому навыку. И почти любое существо, которое тяготит землю, не имеет понятия, как жить. Что же ты сделаешь теперь, немой и давно не чищенный баннер? Неужели все так же будешь прожигать словами проезжающие мимо машины, зная, что в конце концов останешься ни с чем? Если бы я стоял на постоянно заполненной трассе...

— Ты вообще слушаешь?

Еще бы вспомнить, что он говорит.

— Ага, просто на птиц засмотрелся.

Могу поздравить себя с самой идиотской отговоркой.

— Вот реально ворон считаешь.

Смотрю на белые волосы собеседника. Гадаю, как скоро те выпадут после стольких покрасок.

— Так вот, значит, стою и не понимаю, почему вдруг я — козел отпущения, — ударение на «я», ведь все считают, что никогда и ни в чем не виноваты. — Пытаюсь разобраться с ситуацией, ну знаешь, как нормальные люди. Все-таки кулаками помахать еще успеется.

Сигарета из недавно купленной пачки едва держится в губах рассказчика. Дым от нее закрывает вид на баннер. Постоянно хочется стрельнуть сигаретку, но в который раз вспоминаю, что решил бросить.

— И что потом? Оказывается, кружка треснула еще до меня. Как я и говорил!

На самом деле я хорошо держался в выходные, когда избавился от всего никотина в доме. А здесь, среди недавно проснувшихся коллег, которые машинально суют сигареты себе в рот, мимолетное желание легкости в теле превращается в убивающую изнутри жажду.

— Это ужас, конечно. Слушай, я затанусь один...

— Лихач здесь! — меня опять обрывают

Наверное, судьба. Всегда так говорю, хотя в судьбу не верю.

— Что-то они рано сегодня, — недокуренная сигарета рассыпается под тяжелой подошвой ее владельца, и тот с неподдельным интересом идет вслед за толпой. Я остаюсь наедине с брошенным на асфальт окурком, который в другой вселенной мог быть моим.

Тот, из-за кого все пришли в движение, имеет очень интересную историю знакомства с нашей компанией. А если точнее — с одной работницей.

Однажды после традиционного корпоратива (то есть такого, когда на следующее утро даже просыпаться не хочется) мы вышли на улицу, чтобы наконец разъехаться по домам. Времени — где-то часа три, но дорога перед баром почти заполнена. Нескончаемая суета. То и дело какой-то таксист останавливался, крича, чтобы быстрее запрыгивали, а другой уезжал, довольный тем, что пассажиры по пьяни дали приличные чаевые. Из-за хаотичной атмосферы, пахнущего бензином воздуха и парочки унций виски проснулась моя романтическая душа. Я смотрел, как звезды выглядывали из-под толстого слоя смога. Пытался вспомнить название самой яркой из них. Сири? Сирис? Когда шея затекла, я опустил взгляд чуть ниже и увидел фонарь. Тот свисал над дорогой, добавляя таинственности. На его свет глупо летела куча мошек и комаров. И я, конечно, счел себя обязанным пересчитать их всех. Это было сложно, потому что поймавшая волну collega не переставала кидать в насекомых

свою миниатюрную сумочку. Сидя в баре, она рассказывала, как рада, что купила ее, и что готова беречь как зеницу ока. Спустя пару часов золотая цепь ненаглядной сумки звонко брэнчала, падая на асфальт и собирая на себя все больше и больше грязи. Засмотревшись, я не заметил несущегося лихача. Фары его мотоцикла сливались с десятками других. Лихач собирался промчаться вдоль бордюра, чтобы обогнать медленно ползущие машины. Именно тогда в порыве веселья коллега вновь подкинула сумочку. И та прилетела прямо в забрало шлема. Скрежет колес, визг тормозов, непонятно куда улетевшая сумка-граната... Все таксисты, прохожие, друзья, трезвые и нетрезвые побежали то ли спасать пострадавшего, то ли просто поглядеть на него из любопытства.

Поврежден левый голеностопный сустав. Могло бы быть сотрясение, не окажись у парня шлема, так что спасибо напутствиям матери из детства. Но самое интересное — это то, как виновница происшествия извинялась перед жертвой. Парень оказался не дурак и, пока они вместе с моей зареванной коллегой ехали в скорой, договорился насчет ежедневного завтрака в течение трех недель. Не жирно ли? Возможно. Имеем ли мы право судить? Конечно, нет.

Так что уже где-то девятое утро они ездят по разным ресторанам, проедая деньги метательницы сумок. Потом приезжают в офис, и тогда лихач остается с нами еще на часик, так как у него нет работы. Все успели узнать его. Он настоящий экстраверт, умеющий менять тему разговора, как ему вздумается. Не верит в Бога. Отец — какая-то шишка, а маму потерял, когда перешел в одиннадцатый класс. Рак. Закончил местную академию, причем выиграл грант. Не пьет кофе. Любит и одновременно ненавидит рисование, потому что в детстве из него насильно пытались сделать второго Пикассо. Раньше курил сигареты Camel, но после смерти брата перестал. Мотоцикл достался ему как раз от брата. После похорон родственники расхватали даже крохотные ценности, и лихач остался только с мотоциклом и старым кошельком Campo Marzio. По сути, хороший парень,

который славно держится для этой жизни. Разговоры с такими людьми нельзя назвать пустыми. Наоборот, каждое слово имеет смысл, а диалог легко рождается сам. Сложная жизнь создает мудрые души. Люблю такое — что-то, что можно назвать живым.

Я шагаю в его сторону, намереваясь отлично провести время. Лихач, опираясь на самый дешевый костыль, какой мы смогли найти, идет навстречу, умудряясь пожимать руку каждому на своем пути. Хватка крепкая, но доброжелательная. Легкий кивок головы в знак уважения. Он знает правила.

— Доброе, — лихач выше и крупнее меня. Мне надо либо задирать голову, как последнему идиоту, либо смотреть снизу вверх, как кокетка, заигрывающая глазками. Я выбираю смотреть на костыль. — Ну как, держишься?

— Конечно. По-другому ведь не умеем, — понимающий смешок, улыбка. Глядя на желтые зубы лихача, я снова вспоминаю о том, как хочу закурить. Надо срочно отвлечься.

— Давай зайдем внутрь, а то...

— Смотри! — перебивают меня уже в третий раз за утро. И, к сожалению, в последний. Видя, как в мою сторону летит огромный камень, тень от которого становится все больше, собеседник не придумывает ничего лучше, чем крикнуть обычное «смотри». И то, этот спасительный возглас я слышу где-то на задворках сознания, будто бы находясь в густом и темном тумане.

Сначала я чувствую, как в макушку больно ударяет что-то тяжелое, похожее на неожиданный подзатыльник. Сквозь смазанные мысли пробирается осознание, что давление сверху слишком сильное, и ноги подгибаются. Слышу ли я хруст собственного черепа? Нет. Успеваю ли я крикнуть что-то напоследок? Конечно, нет. Я даже не вижу, как лужа крови растекается по асфальту. Просто потемнение. Ощущение ничего.

Будь вы в тот момент рядом, вы наверняка застыли бы в шоке, не веря, что все это взаправду. И так же, как мои

коллеги, начали бы паниковать, в ужасе вертя головой по сторонам в поисках инструкции «Что делать, когда увидел труп не в кино?». В такой атмосфере сложно понять причину, по которой на голову человеку прилетает кусок небоскреба. Но если ваша психика прочная как сталь, а ужастики всегда были самым любимым жанром, то самолеты, которые врезались в верхушки зданий-близнецов, стали бы более интересными, чем умирающий человек. Тогда прилетевший из ниоткуда камень отлично вписался бы в картину, которую называют «Одиннадцатое сентября две тысячи первого года».

Матис Биллунд

— Солнце, давай быстрее, выходить через три минуты!

Мама, как всегда, суетится. До выхода на сцену еще минут десять, как раз успею доиграть раунд. Середина боя как никак.

Звуки выстрелов в стареньких наушниках. Ловко стучащие по экранчику пальцы. Люблю это.

В целом я мог бы отложить игру и еще раз пройтись по нотам, но тут своя логика, может быть, отчасти глупая. Значит, играю я на сцене лет так с пяти. И только в пятом классе мне повезло узнать о тетрисе. Эта игра очень простая, но затягивает. А самое классное, что с геймбоем я могу играть в нее везде, даже перед началом выступления. Вся суть состоит в запутанной конструкции. Кажется, вот почти победил, как вдруг появляется новая проблема, и теперь уже из принципа надо доиграть до конца. Будто бы в казино. Именно из-за того, что такие игры отвлекают от мыслей и всего прочего, я вместо очередного прогона сажу, уткнувшись в экран. Зато после выхожу на всеобщее обозрение без страха. Даже понервничать не успеваю, настолько расслаблен.

— Нет, так не пойдет!

Консоль выдергивают из моих рук. Кубики же в ней продолжают безмятежно падать.

— Мам, да ты чего? Отдай!

Вот, я опять ною. Я прекрасно понимаю, как выгляжу со стороны. Безответственно, глупо и самоуверенно. Но все равно бросаюсь к геймбою, как ребенок. Я и есть ребенок, но маме сложно объяснить такое. Ей легче считать, что я уже все понимаю и намеренно ее злю, постоянно делая что-то не так. И знакомые, твердящие о том, какой у нее самостоятельный и зрелый мальчик, только подливают масла в огонь.

— Уткнешься в этот свой кирпич и ничего вокруг не замечаешь! Ничего!

Мама широко открывает глаза, как бы показывая, что я ничего не вижу. Если я скажу, что как раз для этого все и делается, боюсь, крики и ругань превратятся в несдерживаемый ор.

— Стараешься для него! На прослушивания берешь, курсы обеспечиваешь! А в ответ что?!

Мама смотрит выжидающе, но отвечать не надо. Лишь, чуток опустив голову, делать виноватый вид.

— А получаю я только твои глаза, как у зомби, которые уткнулись в одну треклятую точку!

Люди смотрят на нас. Они продолжают вести разговоры, готовить детей к выступлению и проверять технику, но я вижу, что их внимание обращено на маму. Пусть перестанут притворяться, будто их не волнуют чужие дела. На самом деле они, не зная ситуации, уже успели осудить, пожалеть и обсудить.

Слышу, как две девушки с блестящими бейджиками разговаривают о нас.

— Вот точно... Не понимаю... Ну французы...

Мне слышны только отрывки фраз, но такие слова всегда меня бесят. И что с того, что мы не местные? Будто вещи, за которые мы не отвечаем, влияют на характер. В конце концов, Германия и Франция не так уж далеки друг от друга. Да и в целом мой дом — Дрезден.

— Все! Вымотал ты меня.

Мама уходит на поиски воды. Я вроде пытался пропускать ее крики мимо ушей, чтобы не расстроиться перед выходом — еще не хватало рыдать на сцене, — но не вышло. Настроение на дне. Комок из несказанных слов застревает в горле. Глаза затягивает пелена слез. Часто моргаю. Приходится.

Вообще-то, тетя говорит: «Когда хочется плакать, надо дать чувствам волю». Позволить себе и кричать, и рыдать. Но не могу я так. Во-первых, характер. Во-вторых, воспитание. В-третьих, мне как раз пора выходить.

Осторожно достаю скрипку из разукрашенного стикерами футляра. Учительнице такие украшения не по душе, но мне становится легче, когда я вижу яркие цвета на фоне черного. Бережно наношу канифоль на смычок, стараясь не переборщить. Не прошло и минуты — я уже выхожу из-за занавеса. Чувствую, как старенький пол скрипит под моими туфлями, которые так долго натирала мама. Легкая и в то же время уверенная улыбка застыла у меня на лице. Перед аудиторией надо оставаться милым, но серьезным. За несколько лет я этому научился.

Громко объявляют название произведения. Я смотрю на лица зрителей, превратившиеся в размытую массу, перевожу взгляд на недавно поставленные струны. «Не подведи меня», — проносится в голове. Я выступаю с этой скрипкой с самого начала обучения; она не допустит промаха, когда я под взглядами стольких людей. Ну, поехали.

Смычок ловко скачет с одной стороны грифа на другую. Вспоминаю все повторы и ошибки, которые успел совершить до того, как оказался здесь, на сцене. В памяти всплывают выступления Паганини, которые уже давно стали моей вершиной успеха. Я чувствую, как странная надежда на то, что именно этот момент важен, разгорается во мне. Ощущаю каждую ноту. Слышу легкое дрожание стали, когда вновь и вновь касаюсь струн. Я — вне времени. Мысли обо всем далеко проносятся внутри меня, сбивая с ног попытки вспомнить нужное. Нельзя тормозить. Следы, оставленные

мыслями, я смогу разглядеть потом. Сейчас есть лишь музыка, что, как верный друг, привела меня в это самое мгновение, держа крепко за руку. Как же я люблю такие моменты! Когда ты касаешься частички жизни. Той самой, которую не сможет разглядеть человек без цели. Она доступна только тем, кто умеет мечтать, и никак иначе.

Вдруг звук начинает приглушаться. Подумав, что я снова ушел в себя и перестал правильно держать инструмент, давлю на смычок чуточку сильнее, надеясь опять громко и четко услышать знакомую мелодию. Когда же я понимаю, что дело в чем-то другом, черное пятно расплывается передо мной. Как сильно хочется закрыть глаза... Веки становятся тяжелыми, а голову так и тянет вниз, будто бы она железная, а в сцене спрятан магнит. Все ниже и ниже. И я просто расслабляюсь. Слышу, как скрипка падает на пол, и мимолетно думаю о том, что ее надо поднять. Правда, почему-то эта мысль кажется далекой и ненужной. Все перестает иметь смысл. Я закрываю глаза.

Тихо. Будто бы снова вернулся в свой детский мир. Он прекрасен и напоминает о домашнем уюте. В нем другая сторона улицы еще закрыта, а верхние полки на кухне заставлены незнакомыми бутылками. Спокойствие там, где пахнет маминой выпечкой и ее цветочными духами. Покой спрятан в нежных колыбельных.

Я лежу на диване в гостиной родного дома и засыпаю в самой неудобной позе из всех возможных. Нос забит, челка лезет в глаза, а ноги онемели, но мне слишком лень двигаться. Мне слишком хорошо. Голос мамы сливается с разговорами незнакомых гостей, их громкий смех резко бьет по ушам. Я так хочу спать, что не хватает сил даже на недовольную гримасу. Чувствую, как мама берет меня на руки, придерживает свисающую голову. На самом деле я уже проснулся, но все равно притворяюсь, чтобы меня донесли до мягкой кровати. В объятьях мамы тихо и тепло. Только с ней я могу найти покой и снова стать ребенком, а не «умным не по годам мальчишкой». Поэтому я разрешаю себе расслабиться.

Роза Лавьен

Семьдесят один год.

Семьдесят. Один. Год.

Вот сколько я живу на прогнившей людьми земле. Эта цифра никак не укладывается в сознании. Так много всего позади: старый дом, десятки смертей, ненаглядная дочь, шумная молодость... Война. Поиски места в этом мире после того, как она закончилась.

Война со всей силы вышвырнула нас, детей повседневных выстрелов и дыхания смерти, в непонятный мир птиц, что поют на восходящее солнце. Кажется, только вчера я гуляла по ночным улицам вместе с людьми, лица которых почти забыты. Мы могли почувствовать вкус победы — он отдавал пролитой кровью и предсмертными слезами. Победа означала конец войны и начало мира, а значит, что-то совсем чужое для наших бродячих душ. Франция свободна. Я свободна... Но было слишком сложно научиться жить завтрашним днем, когда ты пять лет имела право лишь на хрупкое мгновенье. Будущее казалось настолько далеким, что не разглядишь с самым мощным телескопом. Потом появилась она — дитя, которому так сильно хотелось показать не тот мир, где я сама выросла. Хотелось дать моему нежному солнышку все без остатка.

Каждый ее праздник отмечался так, как будто в этот день звезды сходились в космическом танце, а Бог спускался на землю. А теперь что? Ее заветный день я провожу среди уставших незнакомцев, ждущих поезда. Мое тело сгибается под тяжестью пакетов, а мысли крутятся вокруг рельсов впереди.

— Вам помочь?

Какой наблюдательный молодой человек. Заметил такую маленькую деталь, как немой крик о помощи. Может, я выгляжу настолько жалко, что меня надо непременно спасти? Тревожные мысли, как яд, отравляют мою голову. Может, пальцы так сильно дрожат, что все давно считают меня

ходячим мертвецом? Может, все устали на мою сторбленную спину и боятся, как бы она не сломалась?

Не хочу так. У меня еще есть время. На меня не будут смотреть с жалостью, думая, что я не в силах нести собственную жизнь на плечах. Я несла на плечах чужие жизни.

Нет, нет, нет. Только не сейчас. Не тогда, когда я пытаюсь убедить себя, что у меня есть шанс. Не тогда, когда я живу самообманом, придумывая мнимое будущее. Не тогда, когда настоящая жизнь осталась в прошлом.

— Сама справлюсь, — бросаю холодно и грубо.

По-другому нельзя. Нужно доказать, что я все еще могу что-то сделать. Правда, не знаю, кому доказать: всему миру, самой себе, Богу или совершенным ошибкам. А вот ошибок было много. Очень. Одна ошибка сменяла другую, когда первую я даже не успевала исправить. Неужели я это заслужила? Может, и да. Но я ведь старалась.

Старалась быть лучше, чем вчера. И повторяла эту мантру изо дня в день. Хотя и всю жизнь считала, что не мне, а миру нужно меняться.

Старалась не кричать, когда она приходила домой позднее обычного. Моя вина в том, что я была заботливой мамой, искренне лелеющей непокорную дочь?

Старалась забыть страх и научиться спать без кошмаров. Как это сделать, если дыхание сводит даже от звука клаксонов?

Старалась просто быть, несмотря на призраки тех людей, чьи жизни оборвались из-за меня. Хотя там я и не могла иначе.

Разве этого недостаточно?

Все эти попытки и терзания были зря? Годы в ожидании возвращения дочери, которая будет извиняться на коленях, тоже были напрасными?

Как тяжело.

Тяжело осознать, что вещи, которые были смыслом жизни, давно утратили свою суть. Придется смириться, снова и снова возвращаясь на давно осточертевшую станцию. Рельсы назойливо скрипят под весом поезда. Слишком яркий свет разрезает темноту. Свисток мужчины по вторникам и женщины

в синем костюме — по четвергам. Табло, что начинает мигать, когда время приближается к нулю. Свисающие из чужих карманов наушники, откуда слышны песни, хотя головы людей забиты совершенно другим. Дети и взрослые будто магнитом тянутся к дверям поезда. Интересно, они думают о том, что состав пролетит мимо станции, так и не остановившись? Или о том, что, если они не войдут в конкретную дверь, немедленно настанет конец света? Эта картина стала жутко родной, а каждая деталь — затертой и обыденной.

И еще одна мысль приходит мне в голову уже в который раз. Она гудит в мозгах, как колокол, и пляшет, словно марионетка дьявола. Впервые она пришла еще во времена войны. Я была подростком, а за плечами уже остались похороны отца, матери и подруги. Казалось, что жизнь не может быть другой. Только бесконечная грязь на лицах близких людей, страх, идущий за руку со сталью в сердце, и усталость. Я безумно устала в свои четырнадцать лет. Снова эта мысль пришла после ухода дочери. Я снова потеряла то, что было дано моей и без того ядовитой душе. И сейчас, спустя столько лет, мысль опять вернулась — надо прыгнуть.

Просто взять и переступить невидимый барьер, державший меня все эти годы. Стать очередным именем на первой полосе газет. Превратиться в ничто. Люди наверняка спишут все на старческий маразм, но никто не узнает правды. Правды о том, как тяжело жить, понимая, что завтра все равно наступит.

Самое сложное — сделать первый шаг. Тот самый, который превратит навязчивые мысли в реальность и не оставит возможности отступить. И, вопреки всем разумным сомнениям, я готова сделать его. Готова перестать доказывать, что все еще впереди и искупление ожидает меня уже завтра. Все уже давно понятно. Это конец. И если конец неизбежен, я, по крайней мере, хочу выбрать его сама.

Пакеты уже падают на пол. Взгляд прикован к рельсам. Ровно через тридцать секунд по ним промчится грохочущий поезд, и тогда я сделаю шаг.

Шаг.

Просто один шаг.

Просто надо сделать один шаг.

Забыть все и сделать шаг.

А ведь недавно я и не мечтала о метро в городе.

Почему я думаю не о том? Надо думать только об этом самом шаге.

Шаг.

Шаг.

Голова забита моментами из прошлого. Первая поездка за пределы Мюлуза, где я чувствовала свежесть далекого города. Солдатские песни, которые согревали нас в долгие и темные ночи.

Один шаг.

Единственный поход в кино на глупую комедию, смех сидящих рядом людей; я одна не умею смеяться. Длинное письмо со стихами о любви, долго лежавшее среди старых коробок.

Лишь шаг.

Нежные объятия тех, кто смог пережить ужас вместе со мной, те отчаянность и надежда, которые они вкладывали в каждое движение рук. Горящие глаза дочери... До того, как она поняла, насколько ненавидит меня.

Один шаг. И я его делаю.

Белизна сердец

Старый коричневый диван с тремя сидящими на нем людьми. Он совсем не вписывался в удушающе белую комнату, похожую на приемный покой в больнице. Тот факт, что диван — единственная мебель в комнате, смущал еще больше. Он маленький, и сидящие на нем люди невольно прикасались друг

к другу. Из-за этого их движения были скованными и не ловкими. Мужчина рвал шов подлокотника, который, похоже, не в первый раз подвергался такой пытке, и смотрел на стену остекленевшим взглядом. На нем были свободная белая футболка и классические брюки со стрелками. Старушка, сидящая рядом, наблюдала, как мужчина терзает бедную мебель, и изо всех сил старалась не сделать ему замечание. Она боролась с этим желанием, недовольно кутаясь в вязаный кардиган и поправляя подол юбки тускло-синего цвета. Но даже так это было сложно, потому что ее раздражали и скрип кожаной обивки, когда ее касался мужчина, и трясущаяся нога мальчика, постукивающего по полу носком лакированной туфли. Самый младший из всех голубыми глазами сканировал окружение, не обращая внимания на порождаемый им шум.

Скрип. Скрип. Тук. Тук. Раз за разом одна и та же последовательность звуков начинала действовать на нервы. Старушка хотела встать, но для этого нужно было опереться обо что-нибудь; свободное место, куда можно поставить руку, отсутствовало. От безысходности она решила перейти ко второй своей проблеме. Вопрос. Что она тут делала?

Этим же вопросом задавались и остальные. Мальчику очень хотелось узнать хоть какую-то информацию, просто-напросто сказать что-нибудь, что поможет ему понять происходящее. Заветные слова вставали комом в горле, не давая дышать, так что он никак не мог задать вопрос. Все очень странно. Очень, очень странно и абсолютно непонятно. Мальчик пытался восстановить в памяти события: мама всегда говорила, что план — это главное. А сейчас, когда мамы не было рядом, ее наставления, как якорь, помогали нащупать дно в неведомой пучине. Осознавая, что воспоминания о происшедшем смутные, мальчик медленно приближался к панике, хоть и пытался держать себя в руках.

Спокойно. Он помнил, что сегодня одиннадцатое сентября, а значит, день выступления в театре. Поэтому утром он помыл голову, даже сделал другую прическу. Хотя все равно

под конец дня волосы становились лохматыми как обычно. Позавтракал какой-то полезной едой из очередной маминной диеты. А потом поругался с мамой перед самым выходом на сцену, но не мог вспомнить причину ссоры. Помнил, как скрипел пол. Помнил, что упал в обморок: то ли от волнения, то ли от недоедания.

«Точно. Я упал в обморок и сейчас нахожусь в больнице».

Мальчик невольно кивнул самому себе, расслабившись от облегчения. После этого нога сама собой перестала трястись. Теперь комнату заполнял лишь тихий скрип диванной кожи.

Поняв, что один из источников раздражения исчез, старушка машинально посмотрела на мальчика. Он был одет в синий костюм, похожий на те, что надевают школьники в первый день учебы. Волосы растрепаны, на правом ухе виднелась ссадина.

Почувствовав чужой взгляд, мальчик повернулся.

— Э... Здравствуйте, — он доброжелательно помахал рукой и приподнял брови, задавая этим жестом сотню вопросов сразу. Но реакции не последовало, и улыбка на его лице превратилась в смущенную мину, а ладонь опустилась на колено. Старушка мельком взглянула на другого человека на диване. Мужчина был не слишком высокого роста, с крепкими руками и явным настроением ни с кем не разговаривать. Так что она выбрала дать ответ мальчику.

— Здравствуй.

Ее голос немного дрожал, а морщины над блеклыми губами шевелились при каждом слоге. Старушка смотрела на мальчика серыми, с оттенком смерти, глазами. Как бы сильно ей ни хотелось думать о чем-то важном, в мыслях царил только зависть. Зависть к легкому взмаху руки, юному голосу, волосам цвета крепкого кофе. Почему все так и никак иначе?

— Сынок, что ты здесь делаешь?

— Ну, если не ошибаюсь, то я упал в обморок, когда выступал, — снова эта смущенная мина и поджатые губы. — Думаю, голову ушиб, так что не очень помню, как тут оказался...

Их разговор прервался металлическим женским голо-
сом, который разнесся по комнате, монотонно делая объ-
явление.

— Матис Биллунд, Роза Лавьен, Роджер Смит. Пройдите,
пожалуйста, к регистрационной стойке номер сто тридцать
семь.

Сидящие на диване вздрогнули, услышав каждый свое имя.
Мальчишка комично вскинул бровь и прошептал:

— Это же я... Матис — это я.

Роджер оторвал взгляд от стены, поднялся и направился
к стойке. Роза с Матисом переглянулись и молча последо-
вали за ним.

— Вам помочь? — заметив, с каким трудом двигалась
Роза, он протянул ей руку.

И тут она вспомнила. Вспомнила незнакомца в метро,
подошедшего к ней с таким же вопросом. Вспомнила, где
находилась и что у нее было в голове. А главное, вспомнила,
какой поступок совершила после долгих лет раздумий. Роза
остановилась с изменившимся лицом. Мысли неслись так
же стремительно, как тот самый поезд в метро. Теперь един-
ственным, что не укладывалось в картину загробного мира,
был мальчик, светившийся ярче солнца. Но даже здесь под-
ходило простое объяснение: жизнь несправедлива.

— Давай, дорогой, а то на старости лет совсем здоровье
подводит.

Незачем все объяснять этому мальчику. Она дала бы ему
не больше шестнадцати лет. Не хватало еще, чтобы он об-
завелся такими же пустыми глазами, как у того мужчины,
который впереди них шагал к стойке. Поэтому она просто
улыбнется доброте мальчика.

Теперь Роза опиралась на старательно держащие ее креп-
кие руки, зная, что их ждет дальше. Она много думала о том
мире, который скрывается за страшным словом «смерть».
Перебирала варианты от адского пламени, чьи языки сжи-
гают душу, до восхитительных райских садов. Оказалось, за-
гробный мир легко перепутать с больничным крылом.

Люди шли по длинному коридору, вглядывались в таблички с цифрами, которые походили на те, что висят в банках. За стойками работали люди в белоснежных костюмах, не обращая внимания на происходящее вокруг. Пройдя долгий путь от одной стойки к другой, троица наконец-то добралась до сто тридцать седьмой.

Падение Вивальди

— Здравствуйте, — бросив короткий взгляд на пришедших, девушка за стойкой продолжила разбирать бумаги. Важные документы складывались друг на друга, но она так и не обращала внимания на ожидавших людей. Когда на столе наконец выросли три огромные стопки бумаг, девушка снова подняла глаза.

— Итак, давайте перейдем к делу. Вы помните, почему здесь оказались?

Молчание. Роджер и Роза не могли выговорить ни слова, боясь оказаться правыми в своих предположениях. Спустя пару секунд мужчина набрался смелости.

— Я умер? — его голос дрожал. Он не сводил глаз с девушки за стойкой, пытаясь найти в ее взгляде хотя бы намек на абсурдность предположения.

Раздался тихий смешок Матиса, который ни о чем не догадывался.

— Ну бросьте, видно же, что он шутит.

И снова молчание. Настолько громкое, что мальчишеская уверенность сменилась полным непониманием. Он взглянул на мужчину, ожидая, что тот подтвердит его слова, а потом они все вместе посмеются. Посмотрел на стоявшую рядом старушку, которая намеренно избегала его взгляда. И наконец повернулся к той, которая должна была расставить

все точки над «і». Вместо пояснений девушка сжала свое запястье и, поднеся его к губам, попросила кого-то:

— Включите видеоролик номер пятьдесят два за одиннадцатое сентября, пожалуйста.

Свет погас. Темноту пробил луч проектора. Минуту по стене бегали цветные пиксели, смешиваясь воедино. Они касались друг друга, отпрыгивали в разные уголки, пока не сложились в полноценную картину. На экране люди в дорогих костюмах и вечерних платьях искали свои места в зале. Кто-то, переминаясь с ноги на ногу, явно думал, как бы поскорее сбежать оттуда, а другие, чувствуя себя как рыба в воде, звонко смеялись и пожимали руки знакомым. Когда суэта закончилась, на сцену вышел долговязый парень с микрофоном. Он встал под помятым плакатом «Благотворительный концерт в помощь болеющим раком», неловко задев его головой. Кое-как успокоив трясущиеся пальцы, парень неуверенно заговорил в микрофон, и его голос разнесся по всему театру. Зрители повернулись к говорившему, то и дело слышались подбадривающие возгласы и аплодисменты.

После благодарностей и множества лишних слов ведущий перешел к делу, объявив, что сейчас все должны встретить молодого скрипача с произведением Антонио Вивальди «Времена года. Лето».

Услышав слово «молодой», Роджер и Роза ожидали увидеть рослого студента в выглаженном смокинге и с харизматичной улыбкой. Каково же было их удивление, когда мальчик, сидящий прямо сейчас рядом, вышел на сцену и начал без раздумий исполнять легендарную композицию. Причем очень умело, зная толк в своем деле. Они смотрели то на Матиса на экране, то на него же возле себя. Казалось, что один из них — просто копия настоящего, качественно повторившая немного пухлые щеки и сияющие глаза другого.

Неожиданно музыка начала затухать. Смычок неуклюже запрыгал по струнам, едва касаясь их, пока вовсе не упал на пол. Скрипач опустил руки и выронил драгоценный инструмент, а сам завалился вперед, как мешок картошки,

что не донесли до нужного места. Звук был таким же. Стоящий рядом микрофон четко передал грохот упавшего тела. Все произошло быстро. Буквально в мгновение ока.

Секунда — и голова ударилась об угол сцены. Еще секунда — хруст сломанной шеи эхом пронесся по залу. Многие зрители отвернулись, лишь бы не видеть жуткую неестественность в позе мальчика. Кто-то испуганно вскрикнул, тревожа всеобщее молчание, увидев остекленевшие глаза ребенка прямо перед своим носом. Даже Роджер скривился, почувствовав фантомную боль в шее через экран.

Тело мальчика растянулось на сцене, а голова свешивалась с нее в пространство перед первыми рядами. Происходящее ощущалось как нечто невозможное и до жути неприятное. Казалось, это шутка. Просто часть выступления, и ничего такого не могло случиться.

Но, когда все увидели выбегающую из-за кулис женщину, стало понятно, что это правда. Ее глаза были распахнуты, а губы повторяли бессвязные слова. Она спотыкалась, не отрывая взгляда от лежащего без движения сына. Добежав, женщина отчаянно закричала. Это был не просто крик. Она вырывала из глубин души каждую частичку боли и страдания, пытаясь избавиться или отмахнуться от них, как от страшного сна. Женщина прижимала сына к груди, будто желая силой отдать ему свое бьющееся сердце. Мальчик лежал в ее объятьях, словно кукла, заставляя огромный зал содрогаться от ужаса происходящего.

Голос матери охрип, а пальцы бегали по телу сына, как бы ища опоры. Зрители смотрели в разные стороны, лишь бы не видеть чудовищную сцену. Пара человек заметалась по залу, воплями и нелепыми жестами пытаясь позвать доктора. Кто-то в истерическом состоянии бросился вон, чтобы оказаться подальше от того, что произошло. В воздухе, как в шейкере бармена, взвихрился хаос. Он всегда показывает настоящую личину и снимает со всех приевшиеся маски. Аудитория разделилась на два лагеря: толпа с детьми и подростками, в смятении бегущая непонятно куда,

и толпа прилизанных снобов, сохранивших внешнее спокойствие; одни доставали телефоны, чтобы позвонить в скорую, другие — ради уникальной фотографии в соцсеть. Многих будто окатило ведром паники, которая заставляла непонятно кричать и хвататься за того, кто рядом. Человек привык молчать, отводить взгляд и притворяться глупым в экстремальной ситуации, а не бежать на помощь, как мать Тереза. Так что игнорирующего происходящее с каменным лицом было гораздо больше. Единственное, что объединяло всех, — попытки не смотреть на женщину со скрипачом. Роджер с Розой тоже хотели бы не смотреть, но не могли отвести взгляд от рук мальчишки, которые безжизненно лежали на сцене. И голова, все тянущаяся к земле. Женщина придерживала ее, как это делают с младенцами в роддоме, нежно поглаживала волосы и скулы. Прижимала сына к себе, даже не думая о том, чтобы его отпустить.

Насколько больно смотреть в глаза человека, еще пару минут назад искрящегося жизнью? Она не знала ответа, пока не увидела бледное лицо сына, который больше никогда не засмеется. Никогда не узнает что-то новое и не увидит свое будущее.

В слове «никогда» таится гораздо больше глубины, чем можно представить. Никогда — это значит абсолютно ни при каких обстоятельствах, ни в ближайшем будущем, ни в далеком. Смысл в том, что теперь уже и нет никакого будущего. «Никогда» ставит нестираемую точку на всех планах и черное пятно на любых мечтах, которые могли появиться. Нет исключений или каких-либо лазеек. Только пустота, заражающая сердца вместе с пониманием неизменности этого слова.

Мальчик смотрел на свою кончину, сидя в чужих стенах с незнакомыми людьми. Видел, как его тело с усилиями вырывали из рук матери. Мог разглядеть собственные пустые глаза. Он не мог понять, как такое возможно.

«Вот же я здесь! Прямо тут!»

Но в том-то и дело: он здесь, а она там. Это означало, что они больше никогда не смогут быть вместе.

Девушка у порога

Матис до сих пор не мог осознать, что происходило. Сотни желаний, все мечты, которые он мог себе позволить, превратились в пепел.

«Неужели это все?»

Его глаза, еще недавно наполненные радостью и лучами солнца, теперь отражали лишь бесконечную пустоту.

Люди редко задумываются о неотвратимости конца, так что понимание взваливается на плечи тяжелым грузом. Мальчик, пытавшийся смириться с тем, чего не изменить. Жестоко и несправедливо, но ничего не поделаешь, такова жизнь. Правда, это сложно донести до человека, который только что видел и свою смерть, и глаза матери, полные слез, горя и неверия.

Подобную боль девушка, работающая лишь с мертвыми, видела ежедневно. Поэтому она резко прервала начинающуюся панику мальчика, желая разобраться с этим делом как можно быстрее.

— Да-да, я понимаю, что много всего надо осмыслить... — девушка застучала тонкими пальцами по невидимым клавишам, которые загорались только при касании. — Вы можете пройти прямо по коридору и повернуть направо.

Она подняла глаза от клавиатуры и без эмоций показала рукой на белый коридор.

— Все люди вашей группы там.

Ее холодные глаза, в которых даже под микроскопом не разглядишь человечности, смотрели в расширенные зрачки Матиса, словно пытаясь понять, какая из лихорадочных мыслей мальчика — реакция на ее совет. За этой сценой наблюдал Роджер, догадываясь, кто стал прототипом ассистенток во всех больницах.

Собравшись с мыслями, мальчик пошел туда, куда ему указали. Непонятно, делал ли он это по собственному желанию или просто от безысходности, но главное, что движение

продолжалось. Роза и Роджер, не сговариваясь, последовали за ним. В обоих горело желание помочь бедному Матису, который встретился с острыми клыками смерти слишком рано. Но старушкой двигало еще и нестерпимое любопытство.

Долгое время скуку ее будней разбавлял лишь старый добрый телевизор и готовка самых разных блюд. В ее обветшавшей, полной плохих воспоминаний квартире никогда не бывало гостей. Так что все блюда, приготовленные в одинокие вечера, портились и радовали только голубей на свалке. Ради сохранения собственного бюджета старушке пришлось отказаться от импульсивной готовки. Тогда жизнь стала еще больше походить на бесконечный день сурка, из которого единственным выходом была смерть.

Когда ты долго и без остановок бежишь вперед, то перестаешь замечать одну истину: жизнь — просто колесо, которое продолжает стоять на месте, хотя ты в нем мчишься, как сумасшедший. Это и убивает, заставляя искать выход. Роза нашла его в смерти, сумев самостоятельно остановить колесо. Каково же было ее удивление, когда жизнь после смерти оказалась такой же, как и до нее: с незнакомыми людьми, обычными комнатами и сотнями вопросов. Поэтому она шла по пятам за мальчиком, видя в нем искорку чего-то нового, того, что когда-то упустила.

Три человека с оборванными жизнями дошли до двери, такой же белой, как и стены. Матис долго не решался постучать, в глубине души боясь того, что может увидеть. Он то смело поднимал руку, то опускал ее, опасаясь последствий. В конце концов ему на помощь пришла другая рука — слабая, со вздувшимися венами и старческими пятнами. Такие руки у людей, которые провели детство на войне, зная, что хлеб — всему голова, и веруя в честь патриотической смерти.

После настойчивого стука за дверью послышался стук каблуков и неразборчивые голоса. Дверь открылась, и на пороге появилась милостивая девушка. Она улыбнулась так, как улыбаются работники сферы услуг, которые весь день должны излучать искреннюю радость, даже если в душе

готовы задушить клиента прямо здесь и сейчас. Белый медицинский халат контрастно смотрелся с ярко-рыжими волосами. За ее спиной толпились дети и подростки.

Они были в разной одежде: кто-то в спортивной форме и сбитых кроссовках, кто-то в дырявых носках и слишком большой футболке, кто-то в фиолетовой пижамке с рисунками созвездий, а одна девочка — в порванном желтом платье. Видно было, что его рвали намеренно, а алые следы пальцев на шее добивали смотрящего. Матис содрогнулся, когда взглянул в ее карие глаза, — там мерцал страх. Под светом ламп они напоминали душистый мед, что всегда стоял на столе в бабушкином доме. Когда же она смотрела вперед, глаза походили на глубины пещер, хранящих чужие истории на своих стенах.

Матису безумно захотелось обнять ее, он смог догадаться, что причина смерти девочки куда страшнее его собственной. Отведя взгляд, он все еще чувствовал на душе неприятный осадок. Эта разноликая толпа напоминала обитель потерянных душ. Будто бы все детские страдания решили собраться в одной комнате. В месте, где каждый пережил события, убивающие изнутри. Сборище совсем молодых, но уже разбитых жизней. И в эту дыру Матиса направила незнакомка за стойкой? Может, он на самом деле сошел с ума?

— Привет, — голос девушки был нежен и полон доброты. — У нас все скоро начнется, так что проходи.

Матис стоял, покачиваясь взад и вперед, и мялся. Внутри ждали его ровесники, а не старая женщина и чужой для него мужчина. Может быть, это правильный выбор? Решение принято, и Матис перешагнул порог. Когда Роза с Роджером попытались зайти следом, им с вежливой улыбкой перегородили дорогу.

— Вход разрешен только несовершеннолетним. Ваши группы в других кабинетах, — девушка посмотрела на Роджера, одновременно набирая что-то на такой же невидимой клавиатуре, какую они видели у стойки регистрации. Затем она перевела взгляд на Розу, словно сканируя ее.

Роза только успела привыкнуть к Матису, надеясь помочь ему после смертельного шока, а эта рыжая пытается помешать и так мертвой старухе исправить свои ошибки добрыми делами. Была крохотная надежда, что поддержка чужого мальчика сможет хоть немного загладить вину за плохую жизнь.

— Что за группы? — Роза одарила девушку хмурым взглядом. — Вы буквально затаскиваете детей в комнату с замком и ожидаете, что это будет не подозрительно.

— Через несколько минут вас отведут в нужные группы. Ожидайте на диванчике, пожалуйста, — рыжеволосая полностью проигнорировала высказывание Розы, продолжая говорить то, что положено.

— Подождите, так не пойдет...

Белоснежная дверь закрылась, забирая и Матиса, и других детей.

Роджер обернулся, не понимая, где найти тот самый диванчик. Он точно помнил, что коридор был пуст, ведь именно из-за этой гулкой пустоты ему и пришло в голову сравнение с больницей. Поэтому Роджер удивился, когда на месте у стены возник такой же коричневый диван, как и в комнате регистрации: одинаковые потертости, блеск обивки под холодным светом, дырки от беспощадных ногтей. Все идентично, как будто невидимые эльфы перетасили диван, пока они беседовали с девушкой у порога.

Роза поразилась не так сильно, как Роджер. Ее отец постоянно повторял фразу: «Сколько лет ты проживешь, столько чуда огребешь». Поэтому она просто села на диван и приготовилась уйти в свои мысли, краем глаза замечая, что ее компаньон сделал то же самое.

Роджер первый услышал стук колес. Он раздавался издалека и с каждой секундой приближался. Привстав с дивана, Роджер взглянул на белый коридор с легкой опаской. Роза присоединилась к нему, когда до них долетел и радостный возглас. На стучащем по белому паркету скейтборде приближался молодой человек, который не просто выбивался из общей картины, но и вызывал еще больше вопросов у ничего не понимающих Розы и Роджера.

Жизни мертвецов

Парень на скейтборде словно принес с собой запах ночной улицы, по которой ты едешь домой, смотря на веселых людей. Он был похож на заброшенные здания, что прячут в своих руинах сотни тайн. Смуглая кожа оттеняла зеленые глаза, делая их сказочными. Кудрявые волосы напоминали шевелюру статуи Микеланджело. Этот человек был ходячей историей старого, много повидавшего города.

— Всем самый добрый день! — спрыгнув со скейтборда, парень протянул руку Роджеру и мило улыбнулся Розе. — Или доброе утро! А может, добрейший вечер? Вероятнее, доброй ночи... Короче говоря, привет.

Пока он тараторил так быстро, что, казалось, его мысли не успевали за языком, слушатели сумели рассмотреть его получше. Парень был одет в широкую толстовку с граффити на груди. У надписи был странный и витиеватый стиль, но она напоминала латинское выражение *Memento mori*. Когда Роджер учился на первом курсе, они постоянно смеялись над такими фразами. На болтуне были еще и огромные штаны, слишком большие для его роста; они смотрелись одновременно смешно и симпатично. Серебряные кольца красовались на пальцах, поблескивая под светом ламп, когда он активно жестикулировал. Из-под левого рукава выглядывали браслеты.

— Забыл представиться! — парень поправил кудри. — Меня зовут Никто.

Широкая улыбка и полуприкрытые глаза придавали ему неуловимый шарм.

— Никто... — Роджер непонимающе смотрел на нового знакомого, прикидывая: может, это все-таки сон? — Пряма так и зовут?

— Да. — Никто уверенно и с капелькой угрозы посмотрел на мужчину, давая понять, что это не обсуждается. — Ваша очередь представиться.

— Я Роза Лавьен, живу... — тут старушка запнулась, намурив брови. — Жила. Жила и родилась в Мюлузе.

— Не думаю, что наши имена имеют какое-либо значение, но меня зовут Роджер.

Представившись, он сел на диван. Роджер смирился и сделал для себя вывод: даже если это плод больного воображения и на самом деле его тело билось в припадке на койке в дурдоме, ему уже все равно.

* * *

Матис сидел в закрытой комнате, в удушающей тишине, среди других молчащих незнакомцев. Как он понял, сейчас проходила медитация: все должны были собраться с мыслями и рассказать о себе. К маме Матиса каждую среду приходил тренер, с которым она сидела в такой же позе лотоса, как и они сейчас.

Глубокий вдох. Глубокий выдох. Кто-то из детей разминал ноги, потому что те начали затекать. Как хорошо, что у него нет проблем с коленями. Опущенные веки стали тонкой завесой между реальностью и миром разума. Спокойный голос, вводящий в транс. Глубокий вдох. Выдох. Матис постоянно видел это, когда во время маминых сессий приходилось спускаться на первый этаж за водой. Ему не нравилось, как коуч — так его называла мама — смотрел на ее грудь, пока она сидела с закрытыми глазами. Становилось мерзко. В такие моменты Матис специально ронял что-нибудь, чтобы мама открыла глаза и заметила чужой взгляд.

Матис подумал: а что теперь будет с мамой и ее тренировками? Вдох. Выдох. Нечаянно забежавшая мысль разрушила барьер спокойствия, который создавался с помощью долгих вдохов и выдохов. Он представил маму, горько плачущую у него на похоронах, и этого уродца, держащего ее за плечи.

«Он там с ней, а я здесь. Это нечестно!»

Матис распахнул глаза, вскочил, неловко перебирая ногами, и понял, что шумом потревожил остальных ребят. Все смотрели на него. Одни странным взглядом, другие озадаченным, и только рыжая девушка улыбалась, как и вначале, будто понимая, что происходило в головах присутствующих.

— Ну что же, давайте начнем наше собрание.

Дети наострили уши.

— Сейчас каждый, кто захочет, может поделиться интересными фактами из своей жизни или просто рассказать все что угодно.

Последовало долгое молчание, ждущее первого смельчака. В основном здесь собрались подростки, которые должны были окончить среднюю школу. А это значило, что они не горели желанием раскрывать свои души. У них много комплексов, проблем с самоидентичностью и мысли, не знающие конца. Как же тут найти что-то про себя?

Когда начало казаться, что тишина уже становится частью комнаты, срастаясь с белыми стенами, поднялась девочка гораздо младше Матиса и громко объявила:

— Я люблю школу!

Это было странное, но в то же время сердечное заявление. Сам Матис и парочка его ровесников усмехнулись, а вот детская половина комнаты внимательно ее слушала. Голубые, полные слез глаза девочки напоминали сапфиры, что окунули в соленые воды океана. Чистейшая красота, обернутая в печаль.

— Все мои друзья говорили, что не любят школу, уроки. Злились на учителей. Я думала, что так и надо. Повторяла их слова, — девочка взглянула на сидящих рядом детей. Казалось, она искала среди незнакомых лиц что-то близкое к ее жизни. — Но на самом деле мне нравится школа. Я люблю ходить на прогулки и отвечать на уроках. Я, честно-пречестно, люблю школу.

Голос девочки дрогнул. Она щурилась, сжимая края рукавов, и отводила взгляд, словно старалась не заплакать. Подростки перестали усмехаться, сделались серьезными. Теперь

все сидели, будто ожидая определенного момента. Момента, когда можно будет кричать, плакать и просто выпустить пар. Сидящие напоминали вулканы, готовые уничтожить Помпеи. Начнет панику кто-то один, остальные сразу же подхватят. Собравшись с мыслями, девочка продолжила рассказ:

— А теперь я друзей больше не увижу.

Слова прозвучали так отчаянно, как будто, произнеся их вслух, она поставила крест на своей жизни.

Вся трагичность смерти состоит в том, что она неизбежна. Это знают все. Все, кроме детей и влюбленных.

Девочка начала плакать, хватаясь за свои волосы, как за последнее спасение. Цепочка запустилась. Некоторые дети звали мам и пап, другие жались в углах, пытаясь слиться со стеной, многие горевали бесшумно или навзрыд. Возле Матиса сидел самый взрослый парень из всех и бормотал себе под нос:

— И зачем я тогда старался? Писал все эти тупые эссе... Зачем вообще я это делал?

Матис задумался о том, что и его старания теперь не имели смысла. Ежедневные занятия, выступления, нервы, потраченные со скрипкой в руках. Но он даже после смерти не разрешал себе кричать и громко плакать, присоединившись к общей панике. Матис просто сидел, чувствуя, как капли слез текут по щекам. Он не переставал думать о чужом мнении, собирая все силы в кулак. Привычка от мамы. Люди, которые скучали по недалекому прошлому, надеясь оказаться в родном доме. Им все равно, что рядом лил слезы четырнадцатилетний мальчик — такой же обычный, как и любая другая жертва несправедливости.

В конце концов Матис вытер рукавом пиджака слезы со щек, встал, выпрямил спину и пошел к выходу. Он устал от собственного отчаяния. С чего вдруг сидение в кружке с незнакомцами в попытках вытащить из себя хоть что-то поможет понять происходящее? Неужели человек так и поступает при виде чего-то странного и непонятного? Нет. Он борется до конца, задавая сложные вопросы и пытаясь на них ответить.

И Матис понял: он не будет сидеть на месте.

Слова на ветру

Роза ушла в свои мысли, безвольно развалившись на скрипучем диване. Она чувствовала каждый звук, запах и голос, словно пропуская их через кожу. Дыхание Роджера, легкий аромат духов, оставленный рыжей девушкой, и приглушенные разговоры за чужими дверьми. Роза прислушалась к своим раздумьям: десятки вопросов, сотни огней в голове...

Она всю жизнь чувствовала себя участником безумной гонки. В самом начале жизни мы садимся в «порш», «тойоту» — в зависимости от того, что выберут для нас родители, — и трогаемся с места. Мчимся вперед, иногда притормаживая возле старых знакомых или родных мест, но никогда не останавливаясь полностью. Без разницы, какие события происходят в жизни и насколько они душераздирающие, — ни в коем случае не останавливаемся. Нажав на тормоз изо всех сил, уже нельзя будет снова сдвинуться с места. Остановка равняется смерти. И долгое время у Розы была мечта, что именно ее машина сойдет с трассы, закончив гонку раньше, или она сама нажмет на заветную педаль сильнее обычного, обретя ту самую свободу. Суть в том, что Роза хотела остановки. Жаждала ее, как уставший путник в поисках воды.

Сложно объяснить, откуда появляется то самое желание покончить с гонкой, но Роза точно видела его в Никто. Между ними возникла связь, которая кровавой нитью проходила от серых глаз к зеленым, так что только они вдвоем могли понимать друг друга. То, что их соединяло, было практически неощутимо, будто бы призрак, который уходит от касаний смотрящего. И Никто, и Роза повернули руль на сто восемьдесят градусов и встретились с неизвестностью, как со старым другом. Их объединяла усталость от жизни. От времени, когда само дыхание становится тягостным, забирая последние крупицы энергии. Роза смотрела в душу Никто, он отвечал тем же, приподняв густые брови.

Содержание

<i>Роджер Смит</i>	7
<i>Мáтис Биллунд</i>	11
<i>Роза Лавьен</i>	15
<i>Белизна сердец</i>	18
<i>Падение Вивальди</i>	22
<i>Девушка у порога</i>	26
<i>Жизни мертвецов</i>	30
<i>Слова на ветру</i>	34
<i>Иная воля</i>	37
<i>Ключи в жизни</i>	41
<i>Мифы этого дня</i>	46
<i>Похоронный обед</i>	51
<i>Число зверя</i>	54
<i>Закрытые двери</i>	59
<i>Сразу в начало</i>	63
<i>Зловещая долина</i>	69

<i>Темное спасение</i>	73
<i>Исповедь в огне</i>	80
<i>Простая любовь</i>	85
<i>До прихода</i>	89
<i>Цикл судьбы</i>	93
<i>Неудача и ее числа</i>	98
<i>Четыре стены</i>	102
<i>Лазурные берега</i>	106
<i>Тени теней</i>	111
<i>Конечная мораль</i>	115
<i>Desert for Dessert</i>	119
<i>Симфония</i>	126
<i>Прах</i>	135
<i>Путь вслепую</i>	140
<i>Болезненные блага</i>	146